

но углубилась в изучение истории самого крупного города на планете, расположенного за Полярным кругом. И чем больше узнавала, тем устойчивее становилось стремление исследовать страшное и величественное прошлое Норильска театральными методами.

Первым стал спектакль-коллаж «**Жди меня... и я вернусь**» — трагическая фантасмагория о прообразе Самого Северного театра, родившегося в Норильлаге, где талантливейшие «сидельцы» спасались искусством. Второй спектакль Бабановой, созданный той же творческой командой, — «**Норильские анекдоты**», удостоенный по итогам прошлого сезона спецприза «За яркий портрет родного города» ежегодного фестиваля Красноярского края «Театральная весна-2018». Это комедия, аккумулировавшая современный фольклор норильчан, собравшая характерные для города типа-

жи и индивидуальности в условном пространстве некоего аэропорта, «закупоренного» нелетной погодой.

Постановка «Гиперборея. Плато Путорана», осуществленная в партнерстве с **Агентством развития Норильска** при поддержке **благотворительного фонда «Достоинство»** и компании «**Норникель**», пожалуй, самая поэтичная из работ трилогии при всей ее лаконичности. А в целом, сегодня ни один российский театр не может похвастаться такой прочной интеграцией с городом, как Норильский Заполярный драмтеатр, пополнивший репертуар триптихом оригинальных постановок о месте, времени и себе. Воистину, место силы — там, где сходятся жизнь, любовь и мечты.

Ирина УЛЬЯНИНА

Фото Александра ХАРИТОНОВА

ОМСК. Притча о надежде, любви и вере

В омском театре «Студия» **Любови Ермолаевой** на сцене сумели воплотить миф — художественный руководитель театра **Наталья Корлякова** поставила спектакль по знаменитой повести **Чингиза Айтматова** «**Пегий пес, бегущий краем моря**» (инсценировка **Татьяны Угрюмовой**, художник **Игорь Коврижин**, хореограф **Алена Анашкина**).

— *Очень сложно перевести столь гениальное литературное произведение на язык театра, но от этого его постановка не становится менее интересной, скорее наоборот, — рассказывает режиссер-постановщик. — Я год жила предчувствием спектакля, а потом все начало удачно складываться. Большая работа была с инсценировщиком — это актриса из города Северска Томской обла-*

сти Татьяна Угрюмова. Мы совместно выбрали моменты, которые обязательно нужно было отразить. Сначала актеры говорили о повести, что ее невозможно поставить, но когда прочитали текст инсценировки, сразу поверили в такую возможность.

Это произведение Чингиза Айтматова Наталья Корлякова причисляет к вселенским. Удивительный айтматовский текст не просто сохранен в спектакле по максимуму, он стал центром, своеобразным стержнем этой постановки. Здесь проза автора выступает в самых разных ипостасях. То это повествование, которое рассказывает старшая в роду женщина (**Лариса Дубинина**), сидя возле развешенных сетей и перебирая белый мех, то беседа женщин, творящих обряд, то своеобразная деко-

«Пегий пес, бегущий краем моря»

рация, рисующая перед зрителем глобальное противостояние моря и суши.

Перед зрителем возникает мир молодой, суровый и удивительно осмысленный, где любое действие приравнено к священнодействию, и каждый на своем месте, где жизнь живущих на берегу напрямую зависит от даров моря. Но эти дары нужно еще суметь взять, выстояв в схватке со стихией. Противостояние человека и стихии построено режиссером и хореографом остро драматически и необыкновенно талантливо прожито артистами. Колеблются волны, стелется туман... Весь беспредельный мир сводится к одной точке — лодке посреди моря, очень маленькой лодке... В ней трое мужчин и мальчишка, который отправился на первую в сво-

ей жизни охоту. Стихия — живая и одновременно безликая, серая, туда-сюда носит маленькую лодочку. Но шторм — только первое испытание... Гораздо тяжелее окажется другое — каждому выдержать борьбу с самим собой в замкнутом и весьма ограниченном пространстве. Напряжение ощущается даже физически — в каждом слове, в каждом движении. Главная драгоценность — бурдюк с водой, главное счастье — поднести к губам ковшик, чтобы сделать глоток — единственный. И не позволить себе второго. Выразительная хореография в сочетании с оригинальными сценическими решениями художника-постановщика позволяет перенести на сцену то, что, казалось, воплотить там совершенно невозможно.

Сцена из спектакля

Большую часть времени пленники тумана сидят, опустив голову на руки, и ждут. Но периодически нервы не выдерживают этого бесконечного ожидания. Порывистый Мылгун (**Виталий Сосой**) последними словами ругает Хозяина Ветров. Юный Кириск (**Александр Тихонов**) в полубреду шепчет: «Синяя мышка, дай воды». А совсем недавно он так восторженно смотрел на море... Молодой актер Александр Тихонов сумел прекрасно передать и чистый восторг 11-летнего мальчишки, который в первый раз в море со взрослыми, и детское смятение перед нагрянувшей бедой. Эмрайн (**Евгений Сизов**) поддерживает сына как может — обнимает за плечи и гладит по голове. Лишь старик Орган (**Игорь**

Школин) спокоен и невозмутим — сидит и курит трубку. А когда воды остается совсем мало, шагает за борт, говоря Эмраину: «Не удерживай — я свое пожил», — совершенно спокойно, даже обыденно. Тем же тоном, как в начале, отправляясь в плавание, сказал: «Ну что, пора...». Игорь Школин создал многогранный образ старика, который неожиданно оказывается еще и романтическим героем. Его далекая любовь — Великая Рыба-женщина, легендарная прародительница их рода... Актерские работы Виталия Сосои и Евгения Сизова не менее яркие. Как самоотверженно поддерживают друг друга такие непохожие братья...

Спектакль отличает удивительная концентрация символов, причем, не

Рыба-женщина — О. Постоногова

статичных. Ведь они одновременно — участники действия. Не случайно сценическое действие разворачивается на темном фоне — это не только мгла морской ночи, но и фон, наиболее ярко оттеняющий символы. Это притча, легенда, сказка — то, что уже нереально, инфернально.

Два очень разных мира — женский и мужской — выписаны превосходно: яркими красками, знаковыми деталями. В женских сценах очень чувствуется мистицизм обыденного. Женщины молятся добрым духам — с прозрачными чашами с водой. Или наматывают на клубки красные нити, будто мойры, богини судьбы. А потом ставят светильники из множества свечей у края сцены. И как

молитва звучит: «Ты увидишь мой костер, Эмрайн»... Они прекрасны и величественны. И только юная Музлук (**Наталья Игнатова**) возвращает всех на землю очередным вопросом: она еще ничего не понимает во взрослых делах...

В сценах с участием мужчин главный мотив — вековая древняя простота и спокойствие, с которыми принимается все, что пошлет судьба. Взлетают весла, колышутся полупрозрачные волны. Какое же все здесь настоящее... Детское нетерпение Кириска, спокойная мудрость Органа, спокойная решимость так похожего на него Эмрайна, метания Мылгуна...

Мир мужчин и мир женщин — очень разные. Это подчеркивают наряды ге-

Мылгун — В. Сосой

роев. Костюмы мужчин — стилизация на тему традиционных костюмов приморских народов, но на женщинах по задумке режиссера — воздушные белые платья, чем-то напоминающие наряд Великой Рыбы-женщины. Ведь они принадлежат не только к этой реальности, но и к иному, миру — волшебного и сверхъестественного. Они способны в тяжелый час, несмотря на расстояние, оказаться рядом с любимыми. Два параллельных мира — женский и мужской — пересекаются только в моменты, которые выходят за границы привычной реальности. За несколько мгновений до последнего шага к Эмрайну приходит его жена. Эта пронзительная и та-

кая красивая сцена повествует об еще одной удивительной истории любви: «В море я знал, о чем ты думала дома».

В зыбком морском просторе переплетаются реальное и мифологическое пространства. И словно солнце в зените поднимается над этим миром шаманский бубен, который, по признанию режиссера, здесь является всем — и душой, и жизнью, и смертью. В нем то перекачиваются волны морские, то сияют звезды, то танцует таинственная и прекрасная Рыба-женщина (**Ольга Постоногова**). В нем же открывается портал в мир иной — туда один за другим уходят Орган, Мылгун и Эмрайн, жертвующие собой для того, чтобы мальчик остался жить.

— Это спектакль о любви. Почему герои идут на жертву? Из-за любви. Орган — из любви к своему роду, если мальчик погибнет — род может исчезнуть. Мылгун — из любви к брату, к племяннику. Эмрайн тоже уходит из-за любви — чтобы сыну хватило воды. Слово «любовь» в последние годы потеряло свой истинный смысл, а ведь это все-таки мощное понятие, любовь движет

мирами... Именно любовь спасает Кирилка, — размышляет Наталья Корлякова.

Действительно, вряд ли белая сова агукук пролетела над морем случайно. Ведь там, на берегу, ждали тех, кто ушел в море, а энергия любви способна менять ход событий.

Елена МАЧУЛЬСКАЯ

САРАТОВ. Кто такой Коровкин?

О том, кто такой Коровкин, я вспоминаю только в самом конце спектакля главрежа Саратовского ТЮЗа имени Ю.П. Киселева Алексея Логачева, когда давно ожидаемый ученый муж переступит порог дома полковника Ростанева, споткнется на ровном месте и растянется во весь свой немаленький рост. Еще и денег умудрится занять у безотказного полковника.

В свое время спектакль саратовского Театра АТХ по повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» так и назывался — «В ожидании Коровкина». Как символ русского ожидания вообще. Вот, мол, «приедет барин, барин нас рассудит». Хотя вместо барина, скорей всего, явится подозрительный субъект с несвязной речью (это была хорошая работа Владимира Егорова в маленькой, но важной роли).

Главный в новой постановке, конечно же, Опискин (Антон Щедрин), и спектакль называется «Фома Опискин». Этакий русский Тартюф, но куда более сложный, чем ставший нарицательным французский. Ведь что нужно Тартюфу? Денег побольше, утех плотских, а если удасться, прибрать к рукам дом хозяйина — все под маской монашеского смирения. Опискина же не упрек-

нешь в сладострастии и в большой корысти. Отказывается от отступных, которые предлагает бедняга Ростанев, изнемогая от его чугунного гнета. Пятнадцать тысяч рублей серебром по тем временам большие деньги. Но бывший генеральский шут Фома знает, что, приняв деньги, потеряет куда больше — ежедневный стол, кров и самое сладкое: неограниченную власть над душами обитателей Степанчиково, которых бог обделил умом и волей. Одна из самых сильных сцен в спектакле, когда Опискин широко раскидывает деньги — по всему зрительному залу.

Современники великого писателя, ожидая от него серьезных разоблачительных произведений, проглядели эту жемчужину сарказма, сколь смешную, столь и страшную. Знаменитый мхатовский спектакль запомнился прежде всего образом Опискина, в исполнении Алексея Грибова, зловещего старика. Был фильм с Львом Дуровым — в том больше шутовства, скоморошества, но и он легко управлялся окружающими. В Малом театре Фома Опискин сегодня — замечательный лицедей Василий Бочкарев, в театре Моссовета еще совсем недавно его блестяще играл Сергей Юрский.

Щедрин по сравнению с ними не так